

Д.Г. Панфилов

Приданое Натальи Николаевны Гончаровой

В 1775 году Екатерина II посетила 76-летнего Афанасия Абрамовича Гончарова в Полотняном заводе.

Под парусами этого завода ходил весь Российский флот, на бумаге этого завода с золотым обрезом и с водяными знаками двуглавого орла писались все императорские указы.

В память гончаровских заслуг Екатерина II «удостоила словесного позволения поставить всепресветлейший свой монумент, назначив тому и место».

Гончаров заказал статую в Берлине у известнейших мастеров своего дела Мейера, Маукиша и Мельцера, имена которых были известны далеко за пределами Германии.

Как ни торопили мастеров, но монумент был закончен только в 1788. На цоколе его была сделана витиеватая готическая надпись: «Артисты Берлинские работали: Мейер слепил, Маукиш отлил, Мельцер отделал».

Фигура вышиной в 4,5 аршина представляет собой императрицу в римском панцире с наброшенной на левое плечо тогой. На голове небольшая корона. Левая рука несколько приподнята, опущенная же правая рука указывает на развернутую книгу законов и на медали, рассыпанные на ней, как бы знаменующие деяния императрицы.

По разбитым российским хлябям, в распутицу и непогоду скульптуру тащили в Полотняный завод почти три года.

Однако сразу поставить ее не удалось — не было на то письменного разрешения из Петербурга. Затем воцарился Павел I, политическая атмосфера изменилась настолько, что чествование Екатерины II стало опасным. Монумент спрятали в одном из подвалов до лучших времен — и забыли.

Шли годы. Состояние Гончаровых потихоньку проматывалось в пьяных гульбищах и чудачествах деда и отца Натальи Николаевны, и вот настало такое время, когда она и ее сестры стали бесприданницами.

В это время как раз Пушкин и делает предложение Наталье Гончаровой, которое наконец после длительных волокит и оттяжек было принято. Кроме пустых обещаний о выделении ее доли прибылей из заводских доходов, Наталья Николаевна получила скульптуру Екатерины II, которую она предполагала либо продать правительству, либо добиться разрешения на ее переплавку и получить деньги за бронзу.

Но когда Пушкин попытался продать приданое жены, то ему предложили лишь 7 000 рублей — сумма смехотворная, значительно меньше, чем стоимость одной бронзы. Даже доставка в столицу скульптуры стоила в два раза дороже.

В 1831 Пушкин пишет, что за статую «дают лишь 7 000 рублей и нечего из-за этого тревожить ее уединение. Стоило поднимать столько шума!»

Весной 1832 поэт с семьей поселились в Петербурге на Фурштатской улице в доме Алымовой, куда со временем он перевез из Полотняного завода бронзовую скульптуру, поставив ее во дворе.

Несколько раз обращался Пушкин к правительству, предлагая купить у него «медную бабушку», но бесполезно. Вскоре поэт оставил эту затею, считая, что «не к спеху про-давать ее, она корма не просит».

К скульптуре присматривались друзья поэта, художники, скульпторы и вскоре как бы открыли ее для себя заново, разглядев в монументе редчайшее произведение искусства.

В 1831 Пушкин обратился к Бенкендорфу с письмом, в котором пишет:

«Статуя оказалась прекрасным произведением искусства, и я посовестился и пожалел уничтожить ее ради нескольких тысяч рублей».

После этого была составлена авторитетнейшая правительственная комиссия из представителей Академии художеств — Мартоса, Орловского, Гамберга, которые признали «медную бабушку» жемчужиной монументальной скульптуры, исполненную в лучших традициях немецкой классической школы. Узнав, какой ценностью он обладает, Пушкин писал с надеждой Нащокину: «Мою статую еще я не продал, но продам во что бы то ни стало».

Время шло, росла семья, росли долги, а статую никто покупать не собирался. Тогда Наталья Николаевна сама решила пристроить свое приданое и обратилась с письмом к министру двора П.М. Вяземскому:

«Я осмеливаюсь, князь, прибегнуть к Вашей любезности. Намериваются ли еще купить эту статую, или же сумма, которую спросил мой муж, кажется чрезмерной. В последнем случае, нельзя было бы выдать нам, по крайней мере, материальную стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, а остальное уплатить, когда и как Вам будет угодно...»

Но денег у казны не нашлось, и переписка с правительством постепенно затихает.

В конце 1832 Пушкин перебирается на новую квартиру, «медная бабушка» остается во дворе прежней квартиры на Фурштатской: не таскать же это многотонное приданое по частным квартирам.

Наконец через посредника Юрьева Пушкину удается продать статую заводчику Берду. Он пишет старой хозяйке квартиры:

«Милостивая государыня Любовь Матвеевна, покорнейше прошу дозволить г-ну Юрьеву взять со двора Вашего статую медную, там находящуюся...»

За Екатерину II дали всего 3 000 рублей, да и то ассигнациями — вполтину меньше, чем предлагали раньше!

В течение нескольких лет скульптура лежала на заводских задворках, у Берда не доходили руки до ее установки: шли большие заказы на литье деталей для Исаакиевского Собора, и надо было делать деньги, а не заниматься верноподданическими политесами.

В 1844 помещики Екатеринославской губернии братья Коростовцевы «нашли статую на грязном дворе, среди всякого хлама и лома, назначенного в плавку для литья барельефов». 15 сентября 1844 Коростовцевы пишут письмо Новороссийскому и бессарабскому губернатору графу С.М. Воронцову, в котором сообщают о прекрасном произведении искусства, обнаруженном на заводе Берда и просят разрешения купить ее для Екатеринославля. Была объявлена подписка среди дворян, деньги быстро собрали и вскоре екатеринославская депутация вручила Берду 7 000 рублей серебром (а не ассигнациями), так что он остался еще и с приличным барышом, заработав на Пушкине.

Статую доставили в Екатеринославль и торжественно водрузили на Соборной площади, где Екатерина II жила во время своего путешествия по югу России вместе с Потемкиным.

Недалеко от этого места, в местечке Мандрыковке, жил Пушкин в период южной ссылки.

Почти 70 лет простояла «медная бабушка» на Соборной площади. В 1914 ее перенесли и поставили перед зданием горного института на новый пьедестал, изготовленный финской фирмой по чертежу какого-то финского художника.

Пьедестал этот, долженствовавший изображать стиль Людовика XV, не архитектурен, изобилует деталями и носит модернистский отпечаток. Бронзовый барельеф, изображающий закладку Екатериной II Екатеринославского Собора, исполнен вполне художественно художником-скульптором Е. Трипольской с сохранением портретных сходств.

И тут грянула революция, затем гражданская война, разруха.

Бронзовая фигура была свержена с пьедестала, брошена под забор здания горного института, в коем тогда были размещены части разложившегося российского войска, и долгое время служила развлечением солдат. Ее оплевывали, обливали помоями, били каблуками, ружейными прикладами, камнями, в результате чего оказалось исковерканным превосходно чеканенное лицо, нос вылущен, отбиты пальцы рук, исцарапана и истерзана вся фигура.

Юг России не мог давать уголь и металл, без которых задыхалась большевистская республика. Екатеринославский Совет выносит решение переплавить бронзовую многотонную царскую особу.

Хорошо понимая, какую художественную и историческую ценность представляет скульптура, директор исторического музея Д.И. Яворницкий пошел на явный саботаж. Ночью вместе со студентами они вырыли глубокую яму, столкнули в нее скульптуру и засыпали, тщательно заровняв следы своего «преступления». Когда утром рабочие пришли к институту, они не увидели царской особы. Напрасно местные чекисты бегали по всему городу, прочесали все местечки и близлежащие хутора, выискивая саботажника — тайна осталась нераскрытой.

В 1930 политическая обстановка изменилась. Больной и разбитый старостью Яворницкий, опасаясь близкой смерти, пожелал раскрыть свою тайну. Он пошел в Совет и покался в грехах. Статуя была выкопана и торжественно установлена во дворе исторического музея. Яворницкий был удостоен денежной премии за сохранение «произведения искусства мирового значения».

Около 11 лет простояла скульптура в Екатеринославле — теперь Днепропетровске.

Грянула война. В город вступили немцы. Трофейная команда, тщательно разыскивающая музейные редкости, неожиданно наткнулась на скульптуру Екатерины II и обомлела. Это была работа их известнейших соплеменников, и каких — Мейер, Маукиш, Мельцер! В Европе к этому времени сохранилось всего лишь несколько их творений.

«Медная бабушка» была осторожно погружена на специально изготовленную платформу и со всеми предосторожностями в древесных стружках направлена в Берлин в личную коллекцию «высокого ценителя» прекрасного Германа Геринга. У него она и простояла до 1943.

«Блиц» у Гитлера не получился. Потерпев разгром под Москвой, а затем под Сталинградом, генеральный штаб решил взять реванш на море. Особенно стало жарко на пути конвоев, шедших из Англии в северные порты России.

Подводная война бушевала в северных морях. Немецкие военно-морские силы буквально растерзали конвой RQ-17, брошенный на произвол судьбы английским эскортом при подходе к Баренцеву морю. Удар был так силен, что союзники почти год не могли оправиться от шока и практически прекратили посылку больших конвоев в Россию.

Черчилль писал: «У нас мало шансов, как показал опыт конвоя № 17, провести благополучно даже и треть судов».

Но и адмирал Дениц нес большие потери. Чтобы увеличить выпуск подводных лодок, был нужен цветной металл, в частности бронза. Германия уже успела потерять свои сырьевые базы в Норвегии и Швеции. И вот тут-то Дениц подсовывает Гитлеру на подпись приказ, требующий пустить на переплавку все бронзовые монументы, находящиеся как в государственных учреждениях рейха, так и в личных коллекциях фашистских бонз. Судьба «медной бабушки» была решена росчерком пера Гитлера.

В это время на верфях Германии каждые сутки сходило по одной подводной лодке. Легенда говорит, что бронза Екатерины II пошла на оснащение пяти подлодок серии «СН-XV», верфи работали на пределе.

Серия «СН-XV» рыскала на морских коммуникациях. Обложив очередной конвой союзников, они растерзали его и пустили на дно 30 торговых беззащитных судов.

Это был их последний пиратский набег. Английские эсминцы выследили их, когда они возвращались на базу. Подводные лодки были атакованы и потоплены.

На поверхности моря расплылось пять масляных пятен — все, что осталось от приданого Натальи Николаевны.

10 мая 1943 Черчилль в секретном послании с радостью сообщал в Кремль: «...Мы уничтожили пять подводных лодок».

В ответ Советское правительство наградило лорда Бивербрука и господина Меттетона орденами Суворова I степени, отличившихся в организации и проведении конвоев. Приказ подписал Иосиф Сталин.

Так была подведена черта под приданым Натальи Николаевны Гончаровой.